

DOI: 10.15393/j9.art.2020.7262

УДК 821.161.1.09“18”

В. Е. Ветловская*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

idmmspb@yandex.ru

Логическая основа художественного текста, или Что скрывает Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского?

Аннотация. В статье рассмотрена роль, которую играют логические связи в эпическом тексте. Именно такие связи, полагает автор, соединяют отдельные компоненты повествования (мотивы, комплексы мотивов) и восполняют в восприятии читателя опущенные звенья. Недоговоренности и умолчания, обычные в художественном произведении, возникают по разным причинам. Иногда — в силу общих эстетических принципов писателя, предпочитающего недоговоренность законченному высказыванию, лишаящему читателя возможности самостоятельно додумать не выраженную явно мысль. Иногда — в силу убеждения писателя, что нет нужды объяснять то, что недвусмысленно следует из ранее сказанного. Бывает так, что пропуски в повествовании вызваны требованиями изложения конкретной темы — например, в детективном жанре. Нередко подобные соображения действуют вместе. Так, в частности, обстоит дело в «Преступлении и наказании», где привычная для Достоевского эстетическая установка сочетается с необходимостью умолчаний, связанных с темой расследования жестокого злодейства. Порфирию Петровичу, не раз заявлявшему, что он не вполне откровенен с преступником, что он кое-что умалчивает и скрывает, и в самом деле, как выясняется, есть что скрывать.

Ключевые слова: Пушкин, Достоевский, критика, логика текста, мотив, комплексы мотивов, прием, недоговоренность, преступление, следствие, улики, «мещанин в халате»

Об авторе: Ветловская Валентина Евгеньевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (наб. адмирала Макарова, д. 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034)

Дата поступления: 15.10.2019

Дата публикации: 28.02.2020

Для цитирования: Ветловская В. Е. Логическая основа художественного текста, или Что скрывает Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского? // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 239–259. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7262

В заметках о литературной критике А. С. Пушкин писал: «Крит<ика> наука <...>. Она основана на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях...» [Пушкин, т. 11: 139]. Из других заметок, названных издателями «Опровержением на критики», видно, какие правила Пушкин, в частности, имел в виду. Так, рассуждая о критике на его «Полтаву», поэт объясняет:

«Старый гетман, предвидя неудачу, бранит в моей поэме молодого Карла, и называет его мальчиком и сумасшедшим. Критики важно укоряли меня в неосновательном мнении о шв.<едском> короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к чему не был привязан; критики ссылались на *собственные слова гетмана*, уверяющего Марию, что он любит ее *больше славы, больше власти*.

Так понимали они драматическое искусство!» [Пушкин, т. 11: 159].

Слова Пушкина напоминают истины, которые часто забывают критики, то есть все, кто занимается искусством слова. Художник и писатель не обязан, да и не может проговаривать то, что должно быть ясно любому читателю по умолчанию. Нет никакой необходимости рассуждать о том, что недвусмысленно подсказывает логика характера, или ситуация, в которой он оказался, или взаимодействие персонажей в перипетиях событий. Старому гетману, знающему толк в военном деле ввиду долгой практики, самонадеянность молодого Карла кажется заносчивым мальчишеством и сумасбродством. Это справедливо именно в изображенный момент. Отсюда не следует общего представления о шведском короле ни гетмана Мазепы (иначе он совсем не входил бы с Карлом в какие бы то ни было соглашения), ни автора поэмы.

Что касается уверений Мазепы в любви, то они ровно ничего не значат. Ведь они исходят из уст соблазнителя, который холодно лжет несчастной Марии, уже не имеющей для него, как ясно из контекста, прежней цены. Главное (подчеркивает Пушкин), свидетельство старика, хитрого и злого, противоречит свидетельству автора, предваряющего слова героя и обесценивающего их:

«Не многим, может быть, известно,
Что дух его (Мазепы. — В. В.) неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим <...>;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благодости,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него» [Пушкин, т. 5: 25].

Если для предателя Мазепы нет ничего святого ни в этом мире, ни в ином, то ни о какой любви и верности его кому бы то ни было говорить не приходится.

В сущности, на ту же тему, что и Пушкин в заметках о критике, рассуждает Достоевский. Отвечая на письмо одной из своих читательниц, спрашивавшей его о том, кто убил старика Карамазова (роман «Братья Карамазовы», вышедший в журнале «Русский вестник» отдельными частями, в то время еще не был закончен печатаньем), Достоевский указал на мотивы обсуждаемой сцены (Часть третья, книга восьмая, глава IV. «В темноте»), которые исключают вину Дмитрия Карамазова (письмо Е. Н. Лебедевой от 8 ноября 1879 г.):

«Когда Дмитрий Карамазов соскочил с забора и начал платком вытирать кровь с головы раненного им старика слуги, то этим самым и словами своими: “Попался старик” и проч. как бы сказал уже читателю, что он *не* отцеубийца <...>. Если б отца убил, то не стоял бы над трупом слуги с жалкими словами. Не один только сюжет романа важен для читателя, но и некоторое знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя»¹.

Психология здесь — та же логика, ибо речь идет об умозаклчениях относительно поступков персонажа, которые закономерно следуют из свойств известного характера, проявляющихся в известных обстоятельствах. На подобные умозаклчения читателя писатель рассчитывает сплошь и рядом, поскольку в искусстве, где проговаривается гораздо меньше, чем имеется в виду, недосказанность естественна. Но появиться она может, разумеется, где угодно. Например,

в публицистике. В черновых набросках к «Дневнику писателя» за 1876 г. Достоевский писал: «Скрывающий и недоговаривающий. О, недоговаривать ужасно важная вещь», затем: «Тут я подразумеваю идею. Беда, коли прямо выскажу. Не договаривать <?> лучше», и еще: «Высказать результат, всё не договаривать» (ДЗ0; 23: 184).

Ценность приема недоговоренности, хорошо знакомая еще древним риторам, теоретикам и практикам искусства слова², для Достоевского очевидна. Он чаще и смелее, чем другие, использует этот прием в художественном творчестве. Безусловно, широкое применение разного толка недоговоренностей и умолчаний — характерная особенность поэтики гениального художника. Один из наиболее внимательных и глубоких исследователей Достоевского нашего времени, Хорст-Юрген Геригк, проницательно заметил эту черту и даже выдвинул ее на первый план среди других характерных примет эстетики и поэтики русского автора. Он пишет: «...Достоевский ненавидит “досказывание”. Это значит: писатель прямо-таки программно скрывает то, что имеет в виду. Он устраивает ловушки, увлекающие поначалу по ложному следу, чтобы читатель сам установил подразумеваемое <...>. Он постоянно наблюдает за своим читателем, играет с его сокровеннейшими домыслами и прекрасно знает, что читателю нравится быть сообразительным. Короче: Достоевский не выкладывает истину на блюдо, но ведет себя, подобно Сократу в диалогах Платона: собеседника (у Достоевского это читатель) приводят окольными путями к тому, чтобы он сам обнаружил правду» [Геригк: 6–7].

Но какими бы окольными ни были пути, которыми Достоевский ведет читателя и которые у него иногда бывают и длинными, и запутанными, они не выходят за границы логически допустимых и оправданных построений. Именно логические связи восполняют любую недоговоренность и умолчания, возникающие либо в силу авторского убеждения (его общих эстетических принципов), либо в силу конкретных требований изложения избранной темы. Об одной из таких тем далее идет речь.

Во время последнего свидания с Раскольниковым Порфирий Петрович, возвращаясь к началу их (тогда еще заочного) знакомства, говорит:

«Признаюсь откровенно, потому если уж признаваться, так во всем, — это я первый на вас тогда и напал» (ДЗ0; 6: 345).

Несколько позднее в том же разговоре он заявляет нечто другое, противоположное:

«— Эх, Родион Романыч, не совсем словам верьте <...>. Я, может быть, и сам от вас кой-что даже и теперь скрываю-с. Не всё же мне вам так взять да и выложить, хе-хе!» (ДЗ0; 6: 350).

И затем:

«Вы чего опять улыбаетесь <...>? И бьюсь об заклад, предполагаете, что я к вам теперь подольщаюсь! А что ж, может быть, и в самом деле подольщаюсь, хе-хе-хе! Вы мне, Родион Романыч, на слово-то, пожалуй, и не верьте, пожалуй, даже и никогда не верьте вполне, — это уж такой мой норов, согласен...» (ДЗ0; 6: 352).

О том, что у Порфирия Петровича «такой <...> норов» ранее говорил его родственник, Разумихин:

«— Да ведь всё притворяется, черт! — вскричал Разумихин <...>. — Ну стоит ли с тобой говорить! Ведь он это всё нарочно, ты еще не знаешь его, Родион! И вчера их сторону принял, только чтобы всех одурачить <...>. Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет: два месяца стоял на своем! Недавно вздумал уверять, что женится, что всё уж готово к венцу. Платье даже новое сшил. Мы уж стали его поздравлять. Ни невесты, ничего не бывало: всё мираж! <...>

— В самом деле вы такой притворщик? — спросил небрежно Раскольников.

— А вы думали, нет? Подождите, я и вас проведу — ха-ха-ха!» (ДЗ0; 6: 197–198).

Дело, однако, не только в «норове», то есть характере Порфирия Петровича, но и в его профессии, которая этому характеру подходит как нельзя лучше: следовательно не может быть вполне откровенен с подозреваемым, своей «жертвой». Это усложнило бы, если не сделало бы невыполнимой, задачу изобличения преступника, давая ему возможность

подготовиться, придумать разные варианты самооправдания и защиты.

Порфирий и впрямь от Раскольникова что-то скрывает. Ведь, отправляя убийцу в острог, он должен представить доказательства его вины, то есть какие-то улики. О сокрытии улик Раскольников, как любой преступник, беспокоится с первых минут после совершения преступления. Иногда ему кажется (и об этом он говорит Разумихину, едва познакомившись с Порфирием), что никаких улик против него у следователя и его помощников нет:

«— Если б у них были факты, то есть настоящие факты, или хоть сколько-нибудь основательные подозрения, тогда бы они действительно постарались скрыть игру (и не выдавать этих подозрений. — В. В.): в надежде еще более выиграть (а впрочем, давно бы уж обыск сделали!). Но у них нет факта, ни одного, — всё мираж, всё о двух концах, одна идея летучая — вот они и стараются наглостью сбить. А может, и сам (Порфирий. — В. В.) озлился, что фактов нет, с досады прорвался. А может, и намерение какое имеет... Он человек, кажется, умный... Может, напугать меня хотел тем, что знает... Тут, брат, своя психология...» (Д30; 6: 206).

В отличие от Раскольникова, которому не терпится поскорее определиться и выведать, имеются ли у следователя какие-либо против него факты (ср.: «Важнее всего, знает Порфирий или не знает, что я вчера у этой ведьмы в квартире был... и про кровь спрашивал? В один миг надо это узнать, с первого шагу, как войду, по лицу узнать; и-на-че... хоть пропаду, да узнаю!» — Д30; 6: 190), Порфирий не спешит. И эта неспешность может быть объяснена как тем, что при всех подозрениях у него действительно нет пока необходимых свидетельств и улик, так и тем, что такие улики у него уже есть и он может спокойно вести следствие дальше для установления новых обстоятельств дела или из каких-нибудь других, ему лишь ведомых расчетов. Именно об этом и говорит Раскольникову Порфирий при втором свидании-допросе:

«...считай я, например, того, другого, третьего за преступника, ну зачем, спрошу, буду я его раньше срока беспокоить, хотя бы я и улики против него имел-с? Иного я и обязан, например,

заарестовать поскорее, а другой ведь не такого характера, право-с; так отчего ж бы и не дать ему погулять по городу, хе-хе-с!» (ДЗ0; 6: 260).

И далее:

«Да оставь я иного-то господина совсем одного: не бери я его и не беспокой, но чтоб знал он каждый час и каждую минуту, или по крайней мере подозревал, что я всё знаю, всю подноготную, и денно и ночью слежу за ним, неусыпно его сторожу, и будь он у меня сознательно под вечным подозрением и страхом, так ведь, ей-Богу, закружится, право-с, сам придет да, пожалуй, еще и наделает чего-нибудь, что уже на дважды два походить будет, так сказать, математический вид будет иметь, — оно и приятно-с» (ДЗ0; 6: 261).

В психологической войне с Раскольниковым Порфирий рассчитывает на характер преступника, который быстро успел постичь, — на его больные нервы, крайнюю раздражительность и нетерпеливость, излишнюю самоуверенность и высокомерие. Порфирий играет на этих свойствах, чтобы вывести противника из равновесия, сбить с толку, измотать душевной пыткой — то есть всеми средствами, правдами и неправдами, побуждая его сознаться в преступлении, чтобы прекратить истязания.

В том, что Раскольников — убийца, следовательно не сомневается ни минуты. Это видно с самого начала их знакомства и первой встречи. В свиданиях-допросах Порфирий говорит об «уликах», свидетельствующих против героя и убеждающих в его вине. Это, прежде всего, написанная Раскольниковым статья «О преступлении», которую они подробно обсуждают при очном знакомстве. Она безусловно выдавала в авторе сознание собственного превосходства, незаурядный ум, независимость и смелость суждений, готовность идти против всех установлений, законов, любой привычной рутины. Вопрос был в том, как далеко может зайти такой человек не только в теории, но и на практике. По мнению Порфирия, высказанному в последней встрече, он мог зайти очень далеко:

«Статья ваша нелепа и фантастична, но в ней мелькает такая искренность, в ней гордость юная и неподкупная, в ней смелость отчаяния <...>. Статьеку вашу я прочел, да и отложил, и... как

отложил ее тогда, да и подумал: “Ну, с этим человеком так не пройдет!” Ну, так как же, скажите теперь, после такого предыдущего не увлечься было последующим!» (ДЗ0; 6: 345).

«Последующее» заключалось в характере, в «натуре» преступника, преступника вообще и Раскольниковова — в частности, ибо ум умом, теория теорией, а «натура» натурой. Она коварна и в любой, часто самый неожиданный и неподходящий момент способна подвести и спутать все расчеты. Так возникают косвенные, но важные улики.

Для Порфирия это, во-первых, обморок Раскольниковова в полицейской конторе — «в самом интересном, в самом скандальнейшем месте» (ДЗ0; 6: 263) и при «скандальнейших» обстоятельствах (ДЗ0; 6: 123 и сл.), во-вторых, чтение газет; надменный и насмешливый разговор с Заметовым в трактире «Хрустальный дворец» и рискованное признание ему в совершенном преступлении (ДЗ0; 6: 263–264, ср.: ДЗ0; 6: 123 и сл.), в-третьих, приход (под пустым и надуманным предлогом) к следователю, к которому его пока никто не звал:

«Да чего: сам вперед начнет забегать, соваться начнет, куда и не спрашивают, заговаривать начнет беспрерывно о том, о чем бы надо, напротив, молчать, различные аллегории начнет подпускать, хе-хе!» (ДЗ0; 6: 264).

Все это Порфирий объясняет неудержимым стремлением убийцы поскорее выведать, насколько он близок к разоблачению:

«Сам придет и спрашивать начнет: зачем-де меня долго не берут? хе-хе-хе! И это ведь с самым остроумнейшим человеком может случиться, с психологом и литератором-с! Зеркало натура, зеркало-с, самое прозрачное-с! Смотри в него и любуйся, вот что-с! Да что это вы так побледили, Родион Романович, не душно ли вам, не растворить ли окошечко?» (ДЗ0; 6: 264).

Далее, появление Разумихина у следователя по наущению Раскольниковова и с той же целью выведывания (ДЗ0; 6: 265). Далее (факт наиболее капитальный) «наем» квартиры, в которой было совершено убийство, «под самую ночь», и звонок в колокольчик, и вопросы о крови, и разговор с работниками и дворниками, сбивающий их с толку (ДЗ0; 6: 265; ср.: ДЗ0; 6: 133

и сл.). К этому факту Порфирий во втором и третьем допросе возвращается не раз. И естественно, потому что возвращение преступника на место преступления, непреодолимое желание проверить ранее испытанные ощущения — хорошо известная в криминалистической практике примета:

«Да этак что же, батюшка? Этак можно и горячку нажать, когда уж этакие попользования нервы свои раздражать являются, по ночам в колокольчики ходить звонить да про кровь распрашивать! Эту ведь я психологию-то изучил всю на практике-с» (ДЗ0; 6: 266).

И далее, вопреки очевидности и пугая Раскольников, Порфирий говорит:

«Да подозревай я вас хоть немножко, так ли следовало мне поступить? Мне, напротив, следовало бы сначала усыпить подозрения ваши, и виду не подать, что я об этом факте уже известен; отвлечь, этак, вас в противоположную сторону, да вдруг, как обухом по темени (по вашему же выражению), и огорошить: “А что, дескать, сударь, изволили вы в квартире убитой делать в десять часов вечера, да чуть ли еще и не в одиннадцать?”» (ДЗ0; 6: 267) и т. д.

«Следовало бы по всей форме от вас показание-то отобрать, обыск сделать, да, пожалуй, еще вас и заарестовать... Стало быть, я на вас не питаю подозрений, коли иначе поступил!» (ДЗ0; 6: 268).

Но Раскольников Порфирию уже не верит:

«— Лжете вы всё! <...> я не знаю ваших целей, но вы всё лжете...» (ДЗ0; 6: 268).

В этом же свидании-допросе Порфирий говорит и о «сюрпризике», который у него «вот тут, за дверью сидит, хе-хе-хе!» и которого он «на замок припер» будто бы для того, чтобы тот «не убежал», а в действительности, скорее всего, для того, чтобы Раскольников (как он и попытался, было, сделать) не открыл эту дверь и не увидел того, что ему не следовало видеть (ДЗ0; 6: 269). О «мещанине в халате» за дверью и без двери (то есть о возможном свидетеле) Порфирий говорит и во время третьего свидания (ДЗ0; 6: 344, 346–347, 349). В этом последнем свидании Порфирий на истории с мещанином ставит окончательную точку, подсказывая Раскольникову аргументы,

которые без Порфирия тому и в голову бы не пришли, но которые сводят на нет какую бы то ни было роль «этого проклятого мещанинишки» (Д30; 6: 344), казавшегося поначалу таким страшным, во всем этом мрачном деле:

«Приведу я, например, уличать вас мещанинишку, а вы ему скажете: “Ты пьян аль нет? Кто меня с тобой видел? Я тебя просто за пьяного и принимал, да ты и был пьян”, — ну что я вам тогда на это скажу, тем паче, что ваше-то еще правдоподобнее, чем его, потому что в его показании одна психология, — что его рылу даже и неприлично, — а вы-то в самую точку попадаете, потому что пьет, мерзавец, горькую и слишком даже известен. Да и сам я вам откровенно признавался, уже несколько раз, что психология эта о двух концах и что второй-то конец больше будет, да и гораздо правдоподобнее, а что, кроме этого, против вас у меня пока и нет ничего» (Д30; 6: 349–350).

Какой бы ни была психология, хотя бы и «о двух концах», она опирается на ту же «натуру»: либо любых и всех преступников (или, по крайней мере, многих из них: например, возвращение убийцы на место преступления — в данном случае это «наем» квартиры и «колокольчики»), либо на «натуру» конкретного лица с именно ему принадлежащими особенностями. Такой особенностью, приведшей к гибельному следствию, оказалась привычка Раскольникова не закрывать за собой дверь, из-за чего он убил не только старуху, но и ее сестру Лизавету, а также неопытность и неумение воспользоваться доставшимся ему добром или проскальзывающая в его действиях и поведении теоретическая, отвлеченная подоплека злодейства. Все это не мог не разглядеть такой опытный следователь, как Порфирий:

«Тут книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце; тут видна решимость на первый шаг <...> да и на преступление-то словно не своими ногами пришел. Дверь за собой забыл притворить, а убил, двух убил, по теории. Убил, да и денег взять не сумел, а что успел захватить, то под камень снес» и т. д. (Д30; 6: 348).

Все, о чем говорит Порфирий в своих свиданиях с Раскольниковым, говорит много и не без садистского удовольствия, составляет, как отмечалось, лишь косвенные улики. Правда, и этих разговоров оказалось достаточно, чтобы заставить

преступника несколько раз себе во вред проговориться. Но косвенные улики, питающие более или менее серьезные подозрения, не решают дела. «Изо ста кроликов, — повторяет Порфирий английскую пословицу, — никогда не составитя лошадь, изо ста подозрений никогда не составитя доказательства» (ДЗ0; 6: 345). Поэтому всегда чрезвычайно важно найти такое доказательство или такую прямую улику, которые неопровержимо и однозначно указывали бы на виновника преступления:

«Нет, думаю, мне бы хоть черточку! хоть бы самую махочкую черточку, только одну, но только такую, чтоб уж этак руками можно взять было, чтоб уж вещь была, а не то что одну эту психологию» (ДЗ0; 6: 344).

И хотя на роль «черточки» (характерной приметы) могла бы претендовать любая из названных выше косвенных улик (особенно «наем» квартиры и «колокольчики», которым следователь придает особое значение: «Да как услышал тогда про эти колокольчики, так весь даже так и замер, даже дрожь прохватила. “Ну, думаю, вот она черточка и есть! Оно!”» или эпизод с мещанином — ДЗ0; 6: 346–347), но все они все-таки остаются в границах «психологии», а никак не «вещи».

Выслушав в конце третьего свидания предложение Порфирия «учинить явку с повинною», которая была бы выгодна и следователю, и убийце,

«Раскольников подумал с минуту.

— Послушайте, Порфирий Петрович, вы ведь сами говорите: одна психология, а между тем въехали в математику. Ну что, если и сами вы теперь ошибаетесь?

— Нет, Родион Романыч, не ошибаюсь. Черточку такую имею. Черточку-то эту я и тогда ведь нашел-с, послал Господь!

— Какую черточку?

— Не скажу какую, Родион Романыч» (ДЗ0; 6: 350).

И далее, в подтверждение сказанных слов:

«Я, может быть, и сам от вас кой-что даже и теперь скрываю-с. Не всё же мне вам так взять да и выложить» (ДЗ0; 6: 350).

Итак, о капитальной улике, которая убедила Порфирия в том, что Раскольников убийца, еще до первого свидания

с ним (поскольку уже при первом свидании следователь не обнаруживает никакого сомнения на этот счет и ведет себя с незванным гостем, как с преступником), о важнейшей улике или уликах Порфирий молчит. Спрашивается, о чем он молчит и что же он скрывает?

Полагаю, он скрывает результаты обыска, ничего, будто бы, не давших следствию. (Напомню, кстати, что ранее Порфирий утверждал, что и обыска не было — *Д30*; 6: 268.) Теперь он говорит: «Вы что думаете: я у вас тогда не был с обыском? Был-с, был-с, хе-хе, был-с, когда вы вот здесь больной в постельке лежали (и когда можно было слышать бессвязный, но подозрительный бред больного о сережках, о цепочках, о дворнике, о носке, о бахроме на панталонах и т. д. — *Д30*; 6: 98–99. — *В. В.*). Не официально и не своим лицом, а был-с. До последнего волоска у вас, в квартире, было осмотрено, по первым даже следам; но — *umsonst!* (то есть: тщетно! *нем.* — *В. В.*)» (*Д30*; 6: 346). В заключительном заявлении Порфирия позволительно усомниться, так как сразу после этого *umsonst* следователь продолжает: «Думаю: теперь этот человек придет, сам придет, и очень скоро; коль виноват, так уж непременно придет. Другой не придет, а этот придет» (*Д30*; 6: 346) (как, заметим, это вскоре и случилось).

Из чего Порфирий вывел, что Раскольников виноват и теперь непременно и даже скоро придет? Только из того, что при обыске, пока Раскольников был в беспамятстве и бредил о цепочках и сережках, следователь, конечно, нашел компрометирующие его улики в виде вождеденной «вещи», которую «этак руками можно взять было», а не в виде какой-то «одной этой психологии» (напомню и слова Разумихина о том, что Порфирий — сторонник «материального старого метода», то есть именно вещественных доказательств прежде всего — *Д30*; 6: 189).

Подчеркнем, что в продолжение всего романа Порфирий (и это странно и знаменательно!) ни слова не говорит на тему реального бреда — того, что чрезвычайно беспокоило больного Раскольникова и что слышали Разумихин, Зосимов, Заметов, другие, да, скорее всего, и сам Порфирий, поскольку он делал обыск тогда, когда убийца «вот здесь больной

в постельке лежали». Следователь не говорит ни о сережках, ни о цепочках, ни о носке, ни о бахроме на панталоны и т. д., ни о чем подобном (ДЗ0; 6: 98–99). Невероятно, чтобы Порфирий, хотя и «не своим лицом» (то есть прикинувшись кем-то), но осмотревший квартиру Раскольникову «до последнего волоска» «по первым даже следам» (то есть раньше всех прочих), решительно ничего не услышал, не нашел и не заметил. Ведь Раскольников, пряча улики, был не в том состоянии, в котором мог бы поручиться, что он чего-то не упустил, что все учел и сообразил до деталей. Напротив, в свое время он даже не обратил никакого внимания на выпавшую из кармана «коробку» («ювелирский футляр с золотыми серьгами» (ДЗ0; 6: 106, 108), а не то что на какую-нибудь мелкую цепочку или запонку, или подписанную старухой «бумажку». Самый тщательный осмотр в своей квартире он сделал лишь после первого допроса Порфирия:

«...испуганно и безумно, бросился к углу, к той самой дыре в обоях, в которой тогда лежали вещи, засунул в нее руку и несколько минут тщательно обшаривал дыру, перебирая все закоулки и все складки обоев. Не найдя ничего, он встал и глубоко перевел дыхание. Подходя давеча уже к крыльцу Бакалеева, ему вдруг вообразилось, что какая-нибудь вещь, какая-нибудь цепочка, запонка или даже бумажка, в которую они были завернуты, с отметкою старухиною рукой, могла как-нибудь тогда проскользнуть и затеряться в какой-нибудь щелочке, а потом вдруг выступить перед ним неожиданною и неотразимою уликой» (ДЗ0; 6: 208).

Весь этот тщательный осмотр Раскольников делает уже после того, как у него с обыском побывал Порфирий, прикрывшийся чьей-то личиной (по-видимому, на случай, если больной вдруг очнется). Разумеется, сыщик не мог поручить столь серьезное дело кому бы то ни было — уж конечно, и не письмоводителю Заметову, лишь начинающему полицейскую карьеру; да и познакомился он с этим смышленным «воробышком» (ДЗ0; 6: 125) только накануне первого допроса Раскольникова (ДЗ0; 6: 192).

Итак, тщательный осмотр Раскольников делает с большим запозданием. Но тогда, когда убийца только прятал улики, он

все время забывал то одно, то другое (ДЗ0; 6: 73–74) и сам понимал, что «соображение его ослабело, раздроблено... ум помрачен...» (ДЗ0; 6: 72). Узнав от Разумихина о своем бреде и дождавшись, когда все уйдут, он «бросился <...> к углу, где в обоях была дыра, начал всё осматривать, запустил в дыру руку, пошарил <...>. Он пошел к печке, отворил ее и начал шарить в золе: кусочки бахромы от панталон и лоскутья разорванного кармана так и валялись, как он их тогда бросил, стало быть, никто не смотрел! Тут вспомнил он про носок, про который Разумихин сейчас рассказывал. Правда, вот он на диване лежит, под одеялом, но уж до того затерся и загрязнился с тех пор, что уж, конечно, Заметов ничего не мог рассмотреть» (ДЗ0; 6: 99). Однако Заметов не Порфирий.

Кусочки бахромы и лоскутья в печке, убедившие преступника в том, что никто на них (и вообще ни на что) не смотрел, на самом деле выглядят довольно странно, потому что неясно, когда и как они там очутились. Ведь еще до беспамятства, держа в руках это тряпье, Раскольников действительно хотел было бросить его в печку, но удержался:

«В печку? Но в печке прежде всего начнут рыться. Сжечь? Да и чем сжечь? Спичек даже нет. Нет, лучше выйти куда-нибудь и всё выбросить» (ДЗ0; 6: 72).

Вместо этого он погрузился в тяжелый сон и очнулся лишь тогда, когда Настасья и дворник его разбудили. Заметив недоумение и смех Настасьи по поводу лохмотьев, которые он, как клад, все еще судорожно сжимал в руках, Раскольников в страхе сунул их под шинель. И позднее, уже в бреду, он тосковал из-за них, и мучился, и требовал, чтобы ему их вернули. Сам ли Раскольников бросил тряпье в печку и забыл о нем, или это сделал Порфирий (другие это сделать не могли, иначе они бы его не искали), значения не имеет. Порфирий, обыскавший квартиру Раскольникова «до последнего волоска», в любом случае эти лохмотья видел, но не придавал им никакой цены — потому, разумеется, что нашел более серьезные доказательства преступления и вины (напомню: «Черточку-то эту я тогда ведь нашел-с; послал Господь!» — ДЗ0; 6: 350). Отсюда нетерпеливое ожидание преступника, который, по расчетам Порфирия, будучи виновным, не может не прийти:

«Жду-с! Жду вас изо всех сил <...>. Ну, так жду я вас, смотрю, а вас Бог и дает — идете! Так у меня и стукнуло сердце. Эх! Ну зачем вам было тогда приходить? Смех-то, смех-то ваш, как вошли тогда, помните...» (Д30; 6: 346).

Поскольку Порфирий с самого начала (то есть до всех свиданий и допросов) убежден и не просто убежден, но знает (после обыска, уж конечно), что Раскольников — убийца, то все словесные его баталии и манипуляции с жертвой сводятся к одному — вынудить преступника в этом сознаться, чтобы затем он мог «учинить явку с повинною» (Д30; 6: 350), поскольку только собственное признание и явка с повинною завершает успешно проведенное дознание.

По поводу одного из самых громких сыскных дел об убийстве австрийского военного агента князя Людвига фон Аренсберга, за которое он получил награду австрийского императора, И. Д. Путилин (прототип Порфирия Петровича) в своих записках писал: «Обвиняемые в задушении князя Аренсберга Шишков и Гребенников не сознавались в преступлении, и это обстоятельство причиняло большую досаду всем присутствующим властям. Многие явно выражали мне свое неудовольствие неспособностью органов дознания (следствие вел сам Путилин. — В. В.) добиться от преступников повинной» [Путилин: 22]. Трехчасовой допрос прокурора ни к чему не привел. Вследствие этого прокурор заявил знаменитому сыщику: «Хотя для обвинения имеются уже веские улики <...>, но было бы весьма желательно, чтобы преступники сами рассказали подробности совершенного ими убийства». «Моя задача (найти верные улики и убийц. — В. В.), как я думал, — пишет далее Путилин, — была окончена с честью, а между тем я же должен был, как оказывалось, во что бы то ни стало добиться сознания. Это было необходимо для того, чтобы дать австрийскому послу уверенность, что арестованные были *настоящие* преступники (а не какие-то лица, назначенные на эту роль. — В. В.), о чем посол торопился дать знать в Вену». Путилин приступил к окончательному допросу и вскоре, благодаря искусству и навыку, достиг ожидаемого результата [Путилин: 23]. Но этот результат (то

есть сознание преступника в злодеянии) требуется (или, во всяком случае, весьма желателен) в любых делах такого рода.

Вернемся к роману.

Порфирий молчит о прямых уликах, как ясно, для того, чтобы использовать их против убийцы при дальнейших допросах уже в остроге. А если тот примет выгодное им обоим предложение и пойдет на сделку, то и для того, чтобы иметь возможность помочь молодому человеку, столь неудачно начавшему свой жизненный путь, и облегчить его участь. (Такая забота, заметим кстати, для Путилина была очень характерна.) (Д30; 6: 350, 411).

Наконец, еще один момент, который, думается, скрывает Порфирий. На этот раз он касается косвенных улик и «психологии»; в ней, как мог заметить читатель по ходу рассказа, следователь Достоевского тоже никому не уступит. Я имею в виду «проклятого мещанинишку». В одной из давних статей мне как-то доводилось о нем писать [Ветловская: 194–205]. Убеждена, что к Раскольникову один и другой раз под видом «мещанина в халате» приходил Порфирий. «Сюрприз» за перегородкой, которым следователь пугает убийцу, в действительности отсутствовал, хотя в черновиках романа, на какой-то стадии его писания, о мещанине за перегородкой и упоминается. Правда, он оказывается там вместе с Раскольниковым (Д30; 7: 195). В окончательном тексте Раскольников оттуда исчез. Думаю, он исчез вместе с «мещанином в халате». Точнее сказать, исчез мещанин, а халат остался. Каморка Порфирия за перегородкой, скорее всего, не что иное, как его гардеробная. Такая гардеробная и гримерка рядом с кабинетом была, например, у того же И. Д. Путилина.

В одном из рассказов о нем («Мельница в Гусевом перелуке») Роман Лукич Антропов (псевд. Роман Добрый) пишет: «— Ну, господа, прошу покорно в мою гардеробную!

В комнате, находившейся рядом с его (Путилина. — В. В.) служебным кабинетом, хранились знаменитые “путилинские чудеса” по части поразительных, волшебных превращений.

Несколько шкафов были сплошь набиты костюмами, одежаниями всевозможного характера.

Тут рядом с “мантией Антихриста” висел костюм трубочиста; там бок о бок с блестящим мундиром гвардейского полковника красовались отрепья нищего. Какая живая панорама похождения гениального сыщика!

Близ больших шкафов находились небольшие, со стеклами, шкафчики, в которых были расположены парики, усы, бороды, накладки.

Два туалетных столика: на них — все аксессуары грима: краски, пудра, белила, румяна, карандаши, щеточки...

Это была поистине удивительная лаборатория.

— Господа, позвольте мне теперь заняться вами» [Антропов: 175].

Нарядив других, Путилин отправил их в свой кабинет, а сам задержался в гардеробной. Через некоторое время собравшиеся в кабинете услышали: «— Скажите, пожалуйста, господа, могу я видеть его превосходительство господина Путилина? — раздался чей-то хриплый бас.

Мы обернулись.

На пороге кабинета стоял коренастый господин с черными волосами, густыми длинными бакенбардами “котлеткой”, с одутловатым лицом. Видимо, он был не дурак выпить.

Одет был новый посетитель в коричневый фрак, белый жилет, белый галстук. Чудовищно толстая золотая цепь колыхалась на животе его.

— Мне-с по экстренному делу! — продолжал оригинальный гость.

— Войдите, г. Путилин сейчас будет здесь... — ответил я.

— А как же это ты, доктор, в мой кабинет, без моего разрешения посетителей принимаешь? — расхохотался господин в коричневом фраке.

Я только руками развел.

Это был Путилин» [Антропов: 176–177]. Известно, что подобные превращения, меняющие внешность, испытали на себе В. В. Крестовский, Н. С. Лесков, художник и скульптор М. О. Микешин, когда на переломе 1850-х — 1860-х гг. в целях изучения «петербургских трущоб» они под руководством и в сопровождении И. Д. Путилина посещали столичные при-
тоны³.

Но, вообще говоря, переодевания и гримировка — для сыщиков самый обычный прием. О своем знаменитом герое, Шерлоке Холмсе, с которым, кстати сказать, часто сравнивали И. Д. Путилина, Конан Дойл писал: «...Холмс прибегнул в этом деле к одной из своих многочисленных масок, пряча под вымышленным именем свою грозную личность. У него имелось минимум пять маленьких приютов в разных частях Лондона, где он мог преобразиться для избранной роли» [Дойл: 326].

Преображения и актерская игра знакомы, как видим, и Порфирию Петровичу. В «Преступлении и наказании» Достоевский эффектно воспользовался известной особенностью профессионального сыска, заставив своего следователя с помощью привычного для него лицедейства успешно провести и одурачить преступника. А поскольку помимо общей угрозы («Подождите, я и вас проведу — ха-ха-ха!») он ничего не уточняет и далее не распространяется на этот счет, то догадаться, о каком именно одурачивании идет речь, можно лишь выявив на всем пространстве художественного текста относящиеся к теме мотивы в их последовательности и логических связях.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 129. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках. Вместо «словами своими: “Попался старик”» в *Д30* напечатано: «словами “Попался старик”». Исправлено по автографу. — *Ред.*
- ² К примеру, греческий ритор I в. Деметрий в рассуждении «О стиле» утверждал: «Подразумеваемое действует сильнее, а “разжеванное” вызывает пренебрежение» (см. [Душенко: 82]). Умолчание, наполненное глубоким смыслом, вообще один из самых сильных способов воздействия.
- ³ См.: [Елец: X, XII–XIII и др.]. О знакомстве В. В. Крестовского с Ф. М. Достоевским в ту пору см.: [Елец: VII–VIII]. Подробный рассказ об этом знакомстве см.: [Орнатская: 258–259]. Скорее всего, именно В. В. Крестовский и познакомил Ф. М. Достоевского с И. Д. Путилиным. См. там же: [Орнатская: 259]. См. также: [Орнатская, Туниманов: 361].

Список литературы

1. Антропов Р. Л. Сыщик Санкт-Петербургской полиции. — М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. — 352 с.
2. Ветловская В. Е. Литературные и реальные прототипы героев Достоевского («Мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. — 2008. — № 1. — С. 194–205.
3. Геригк Хорст-Юрген. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История, 2016. — 320 с.
4. Дойл Артур Конан. Приключения Шерлока Холмса. — М.: Изд-во «Э», 2018. — 351 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
6. Душенко К. В. Мысли и изречения древних. — 3-е изд., испр. — М.: Изд-во «Эксмо», 2010. — 800 с.
7. Елец Ю. Биография Всеволода Владимировича Крестовского // Крестовский В. В. Собр. соч.: в 8 т. — СПб.: Общественная польза, 1899. — Т. 1: Петербургские трущобы. — С. III–LV.
8. Орнатская Т. И. Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865) // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1988. — С. 247–262.
9. Орнатская Т., Туниманов В. Альбом племянницы Ф. М. Достоевского // Ленинградская панорама. Литературно-критический сборник. — Л.: Советский писатель, 1988. — С. 350–365.
10. Путилин И. Д. Среди убийц и грабителей. Записки начальника Санкт-Петербургской сыскальной полиции. — М.: Современник, 1995. — 416 с.
11. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — Т. 5: Поэмы. 1825–1833. — 544 с.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 11: Критика и публицистика. 1819–1834. — 600 с.

Valentina E. Vetlovskaya

*The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
The Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

idmmspb@yandex.ru

The Logical Basis of a Literary Text, or What Does Porfiry Petrovich Hide in F. M. Dostoevsky's "Crime and Punishment"?

Abstract. The article explores the role of logical connections in an epic text. It is these connections, according to the author of the article, that connect the individual components of the narrative (motifs, complexes of motifs) and make up in the reader's perception for the missing elements. The reticence and failures

to mention, common in fiction, appear in the narrative for various reasons. Sometimes due to the aesthetic principles of the writer who prefers ambiguity to a completed statement depriving readers of the opportunity to finish thinking over a vague idea. And sometimes, due to the author's conviction that there is no need to explain the idea implied by what has been earlier said. But it also happens that the omissions in the narrative are engendered by the requirements for the presentation of a chosen topic, for example in crime fiction. But these reasons may go together as it occurs in *Crime and Punishment*. These ideas are illustrated by the analysis of one of the themes of the novel *Crime and Punishment*.

Keywords: Pushkin, Dostoevsky, criticism, logic of the text, motif, complexes of motifs, reception, understatement, crime, investigation, evidence, “tradesman in a dressing gown”

About the author: *Vetlovskaya Valentina E.* — Doctor of Philology, Chief Researcher, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), The Russian Academy of Sciences (nab. admirala Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

Received: October 15, 2019

Date of publication: February 28, 2020

For citation: Vetlovskaya V. E. The Logical Basis of a Literary Text, or What Hides Porfiry Petrovich in “*Crime and Punishment*” by F. M. Dostoevsky? In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 239–259. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7262 (In Russ.)

References

1. Antropov R. L. *Syshchik Sankt-Peterburgskoy politzii [A Detective of the St. Petersburg Police]*. Moscow, EKSMO Publ., 2003. 352 p. (In Russ.)
2. Vetlovskaya V. E. Literary and Real Prototypes of Dostoevsky's Characters (“Tradesman in a Dressing Gown” in “*Crime and Punishment*”). In: *Russkaya literatura*, 2008, no. 1, pp. 194–205. (In Russ.)
3. Gerigk Horst-Jurgen. *Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot «Zapisok iz Mertvogo doma» do «Brat'ev Karamazovykh» [Dostoevsky's Literary Skills in Development. From “Notes from the Dead House” to “The Brothers Karamazov”]*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., Nestor-Istoriya Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)
4. Doyle Arthur Conan. *Prikluycheniya Sherloka Kholmsa [The Adventures of Sherlock Holmes]*. Moscow, E Publ., 2018. 351 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Dushenko K. V. *Mysli i izrecheniya drevnikh [Thoughts and Sayings of the Ancients]*. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 800 p. (In Russ.)
7. Elets Yu. Biography of Vsevolod Vladimirovich Krestovskiy. In: *Krestovskiy V. V. Sobranie sochineniy: v 8 tomakh [Krestovskiy V. V. The Complete Works: in 8 Vols]*. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1899, vol. 1: Petersburg Slums, pp. 3–55. (In Russ.)

8. Ornatskaya T. I. The Editorial Literary Circle of Fedor M. and Mikhail M. Dostoevsky (1860–1865). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 247–262. (In Russ.)
9. Ornatskaya T., Tunimanov V. An Album of F. M. Dostoevsky's Niece. In: *Leningradskaya panorama. Literaturno-kriticheskiy sbornik* [*Leningrad Panorama. Literary Critical Collection*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1988, pp. 350–365. (In Russ.)
10. Putilin I. D. *Sredi ubiyts i grabiteley. Zapiski nachal'nika Sankt-Peterburgskoy sysknoy politsii* [*Among Murderers and Robbers. The Notes of the Chief of the St. Petersburg Detective Police*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1995. 416 p. (In Russ.)
11. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh* [*The Complete Works: in 16 Vols*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1948, vol. 5: Poems. 1825–1833. 544 p. (In Russ.)
12. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh* [*The Complete Works: in 16 Vols*]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 11: Criticism and Journalism. 1819–1834. 600 p. (In Russ.)